

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-141-154>

Отказ от субъективного права как проявление диспозитивности в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность

И. Н. Чеботарева¹, О. С. Пашутина¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет,
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Отказ от субъективного права как форма проявления диспозитивности – новая для российской уголовно-процессуальной доктрины категория, исследование которой невозможно без тщательного осмысления предпосылок ее возникновения с учетом конкретных исторических условий. Изучение эволюции законодательного регулирования отказа от субъективного права позволяет проследить, насколько шагов вперед продвинулся российский законодатель на пути предоставления участникам уголовного судопроизводства возможности защищать свои права и интересы, какой корректировки требует современное состояние уголовного судопроизводства.

Целью исследования является получение знаний об этапах зарождения феномена отказа от субъективного права, создании теоретических предпосылок для дальнейшего исследования его правовой природы, форм и способов осуществления, совершенствования механизма правового регулирования.

Задачи: на основе анализа положений уголовно-процессуального закона советского и постсоветского периода исследовать процесс зарождения отказа от субъективного права в уголовном процессе России, выявить влияние политических и социально-экономических преобразований на его развитие.

Методология. Методологической основой исследования являются положения общенаучного диалектического метода познания окружающей действительности в ее связи и взаимодействии, общенаучный системный подход. В процессе работы использовались формально-юридический, исторический методы.

Результаты. Уголовный процесс современной России, в отличие от существовавшего ранее, строится в соответствии с конституционным положением о приоритете прав личности. Феномен отказа от субъективного права занимает важное место в системе гарантий обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Вывод. Коренные преобразования, произошедшие в России в конце прошлого столетия в политической и общественной жизни, естественным образом сказались на всей правовой системе, в том числе оказали большое влияние на сферу уголовного судопроизводства. Диспозитивность стала одной из ключевых правовых идей, а отказ от субъективного права как форма ее проявления занял должное место в системе регулирования уголовно-процессуальных отношений.

Ключевые слова: отказ; субъективное право; диспозитивность; права; законные интересы; уголовное судопроизводство.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.

Для цитирования: Чеботарева И. Н., Пашутина О. С. Отказ от субъективного права как проявление диспозитивности в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 141–154. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-141-154>.

Поступила в редакцию 20.08.2021

Принята к публикации 22.09.2021

Опубликована 22.10.2021

© Чеботарева И. Н., Пашутина О. С. 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2021; 11(5): 141–154

Rejection of Subjective Law as a Manifestation of Dispositivity in Domestic Criminal Proceedings: History and Modernity

Irina N. Chebotareva¹, Olesya S. Pashutina¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The rejection of subjective law as a form of manifestation of dispositivity is a new category for the Russian criminal procedure doctrine, the study of which is impossible without a thorough understanding of the prerequisites for its occurrence, taking into account specific historical conditions. The study of the evolution of the legislative regulation of the rejection of subjective law allows us to trace how many steps forward the Russian legislator has made on the way to providing participants in criminal proceedings with the opportunity to protect their rights and interests, what adjustments the current state of criminal proceedings requires.*

The purpose of the research is to gain knowledge about the stages of the origin of the phenomenon of rejection of subjective law, the creation of theoretical prerequisites for further research of its legal nature, forms and methods of implementation, the development of improving the mechanism of legal regulation.

Objectives: based on the analysis of the provisions of the criminal procedure law of the Soviet and post-Soviet period, to investigate the process of the origin of the rejection of subjective law in the criminal process of Russia, to identify the impact of political and socio-economic transformations on its development.

Methodology. The methodological basis of the research is the provisions of the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality in its connection and interaction, the general scientific system approach. In the course of the work, formal legal and historical methods were used.

Results. The criminal process of modern Russia, unlike the one that existed earlier, is built in accordance with the constitutional provision on the priority of individual rights. The phenomenon of rejection of subjective law occupies an important place in the system of guarantees for ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings.

Conclusion. The fundamental transformations that took place in Russia at the end of the last century in political and public life naturally affected the entire legal system and, among other things, had a great impact on the sphere of criminal proceedings. Dispositivity has become one of the key legal ideas, and the rejection of subjective law, as a form of its manifestation, has taken its due place in the system of regulation of criminal procedural relations.

Keywords: rejection; subjective law; dispositivity; rights; legitimate interests; criminal proceedings.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00858.

For citation: Chebotareva I. N., Pashutina O. S. Rejection of Subjective Law as a Manifestation of Dispositivity in Domestic Criminal Proceedings: History and Modernity. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(5): 141–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-141-154>.

Received 20.08.2021

Accepted 22.09.2021

Published 22.10.2021

***

Введение

В настоящее время стремление Российской Федерации к построению демократических правовых институтов в сфе-

ре уголовного судопроизводства проявляется в усилении роли его диспозитивного начала, в установлении разумного подхода в соотношении публичных и

частных начал в уголовно-процессуальной деятельности.

По идеологическим причинам на всем протяжении советского периода уголовный процесс в нашей стране представлял собой исключительно сферу публичных интересов, в которой личности отводилась скромная роль, а в советской процессуальной литературе наличие диспозитивности первоначально вообще отрицалось не только в уголовном, но и в гражданском судопроизводстве [1]. Новый взгляд на отношение «государство – личность» появился в России в 90-х годах XX века, что было обусловлено началом формирования в стране правового государства и появлением концепции самоограничения публичной власти, расширения прав и свобод личности. В качестве инструмента разрешения конфликта между государством и личностью в уголовно-процессуальной сфере законодатель стал использовать расширение диспозитивных начал при производстве по уголовным делам. Участникам процесса, отстаивающим в деле свой признанный законом интерес (а именно на них в уголовно-процессуальной доктрине давно указывается как на субъектов, обладающих диспозитивными правомочиями [2; 3; 4]), стала предоставляться бóльшая возможность распоряжением предоставленных им прав.

Одним из проявлений диспозитивности в уголовном процессе является отказ от субъективного права – осозанный и мотивированный акт участника уголовного судопроизводства, не отягощенный внешним воздействием на мыслительный процесс принятия решения о нем, преобразующийся в конкретную форму поведения, выражение нежелания лица обладать и/или пользоваться принадлежащим ему социальным благом. Применительно к российской уголовно-процессуальной доктрине отказ от субъективного права –

категория новая, которая ранее не была предметом пристального специального научного исследования, вследствие чего уяснение его природы как проявления диспозитивности и выявление предпосылок возникновения данного феномена представляют значимый научный интерес.

Методология

Методологической основой исследования выступил общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности в ее связи и взаимодействии. Диалектический взгляд на отказ от субъективного права позволил проанализировать развитие изучаемого феномена во временном измерении, обратить внимание на его обусловленность и взаимосвязь с политическими и социально-экономическими процессами, происходящими на различных исторических этапах нашего государства.

Использование общенаучного системного подхода, органически сочетающего в себе анализ и синтез, способствовало изучению понятийно-категориального аппарата, интеграции и систематизации относящегося к теме исследования собранного материала, познанию отказа от субъективного права с точки зрения его как проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве.

Формально-юридический метод применялся для обработки и анализа содержания норм уголовно-процессуального закона, как ранее действовавшего, так и действующего на сегодняшний день, регламентирующих перечень прав участников уголовного процесса, предоставляемых им для отстаивания собственных интересов.

Исторический метод применялся в качестве средства для точного понимания уголовно-процессуального закона в части, относящейся к теме исследования с

позиции его прошлого, а также с точки зрения его современного значения. Историческое познание феномена отказа от субъективного права как проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве позволило определить, что явилось предпосылками к его возникновению в определенных условиях социальной действительности, как менялось отношение к нему и каковы тенденции его дальнейшего развития.

Результаты и их обсуждение

Развитие и становление уголовного процесса в нашей стране имеет многовековую историю. На современном этапе развития России продолжается процесс построения правового государства, предполагающий поиск оптимальной модели соотношения публичных и частных интересов [5, с. 37], т. е. происходит дальнейшее переосмысление ценностей и содержания значительного количества механизмов правового регулирования и правовых институтов. Одно из главных направлений российской государственной политики – защита прав и свобод человека представляет собой и отправную точку конструирования законодателем современного российского уголовного судопроизводства, что заложено в ст. 2 Конституции РФ. Провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью – важнейшая сторона характеристики современной России как правового государства.

Применительно к сфере уголовного судопроизводства данный постулат раскрывается в следующих положениях. Первое – государство руководствуется приоритетностью обеспечения и защиты прав и свобод конкретного человека. Второе – оно гарантирует обеспечение и защиту прав участника уголовного процесса путем создания механизмов, реально обеспечивающих реализацию лицом

своих прав, предупреждая их нарушение и надлежащим образом их восстанавливая в случае нарушения. Третье – должностные лица и государственные органы, осуществляющие производство по уголовному делу, обязаны разъяснять и обеспечивать права и свободы всех граждан, принимающих участие в их производстве.

Высшим целям, которые ставит перед собой государство, подчиняется вся уголовно-процессуальная деятельность.

В рамках уголовного судопроизводства придать осмысленность свободе человека позволяет правовая категория «диспозитивность» (от позднелат. *dispositivus* – распоряжающийся, от лат. *dispono* – располагаю, устраиваю), проявляющаяся в закрепленном (вытекающем) из смысла закона диспозитивном праве участника процесса, действующего в своих личных (защищаемых или представляемых) интересах. Диспозитивность – юридическая категория, которая характеризуется возможностью свободного распоряжения субъекта права его материальными и процессуальными правами [6, с. 39–40], т. е. видится в свободе его усмотрения в определении стратегии, тактики и выбора варианта поведения [7, с. 19]. При этом отметим, что в уголовно-процессуальной доктрине диспозитивность рассматривается большинством исследователей как принцип уголовного процесса [8, с. 367; 9, с. 61].

Нельзя не признать, что преобладание диспозитивности в правовой системе свойственно только зрелому, активному и ответственному гражданскому обществу и демократическому государству, построение которого невозможно без наличия первого. Стремление Российской Федерации к построению демократических правовых институтов проявляется в сфере уголовного судопроизводства в усилении роли его диспозитивного начала.

На протяжении длительного времени в советской процессуальной доктрине видение диспозитивности было обусловлено господствующей идеологией. Применительно к сфере уголовного судопроизводства это заключалось в тотальном огосударствлении процесса производства по делу, подмене интересов гражданского общества интересами государства. На высшем уровне признавалось верховенство государственной и общественной заинтересованности, превалирующей над интересами отдельной личности, а диспозитивность определялась как свобода распоряжения личностью своими материальными и процессуальными правами, но под контролем и при активной помощи суда, прокуратуры, других органов государства, общественных организаций и контроле суда [10, с. 9]. Но уголовное судопроизводство, в своей основе имеющее лишь публичные начала, не может в должной степени обеспечить защиту прав и законных интересов личности [11, с. 222].

Диспозитивность представляет собой сложное правовое явление, имеющее достаточно разнообразные проявления во всем процессе осуществления производства по уголовным делам [12, с. 104]. Феномен отказа от субъективного права как раз и представляет собой одно из проявлений диспозитивности современного уголовного судопроизводства, характеризуемого установлением разумного подхода в соотношении публичных и частных начал в уголовно-процессуальной деятельности. Отказ от субъективного права – новый для российской уголовно-процессуальной доктрины феномен, прошедший длительный и непростой путь своего исторического развития, что также было продиктовано тем, что не одно десятилетие в сфере уголовного судопроизводства личности отводилась скромная роль.

При диспозитивном регулировании субъект имеет возможность не только реализовать принадлежащее ему субъективное право, но также и воздержаться от его реализации (в противном случае право называлось бы обязанностью). Субъекты права свободны в совершении (или несвершении) действий, направленных на использование права, поскольку они находятся в рамках дозволенного поведения. Реализация субъективного права происходит путём совершения определённых действий либо воздержания от их совершения в целях получения материального или нематериального блага, по поводу которого возникло правоотношение.

Современный российский законодатель учитывает волеизъявление личности как возможность выбора того или иного поведения. Бесспорно, что данная возможность не есть произвольное и бесконтрольное распоряжение участником процесса своим правом. Как справедливо отмечалось в уголовно-процессуальной доктрине, право свободного выбора поведения находится в определенных уголовно-процессуальном законом границах, в черте которых его господство безусловно. Установление границ представляется обязательным, т. к. их отсутствие может привести к произволу [13, с. 4, 9]. Участник уголовного судопроизводства может реализовать или не реализовать принадлежащее ему право, выбрать способ его реализации, соответствующий своим интересам и возможностям и при этом выбрать любой вариант поведения, не противоречащий закону.

В настоящее время законодатель во многом полагается на мнение самих участников процесса в вопросах защиты ими своих прав и интересов. Но так было не всегда. В прошлом представители органов государственной власти при расследовании, рассмотрении и разрешении

уголовных дел должны были действовать, прежде всего, в целях охраны и защиты публичных интересов, независимо от волеизъявления частных лиц. Публичные начала уголовного судопроизводства советского периода – отражение социалистических идей в сфере осуществления правосудия по уголовным делам, игнорировавших права и интересы личности, вовлеченной в уголовно-процессуальные отношения. И хотя советские исследователи в середине прошлого века указывали на то, что в смысле «свободы распоряжения процессуальными средствами для отстаивания своих интересов и защиты прав» диспозитивность в уголовном процессе использовалась достаточно широко [14, с. 156], нельзя не признать, что с позиции современности ее применение в целом было сильно ограничено.

Произошедшие в 1917 г. изменения государственного и общественного строя естественным образом оказали влияние на правовую систему государства и юридическую науку. В число отвергнутых советской Россией положений вошел в том числе и приоритет интересов личности над государственными и общественными интересами [15, с. 134].

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР был принят 25 мая 1922 г. третьей сессией ВЦИК девятого созыва (далее – УПК 1922 г.) и представлял собой важнейший итог судебной реформы того периода¹. Несмотря на то, что «построение» УПК 1922 г. на единой платформе с Уставом уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. способствовало тому, что некоторые закрепляемые им институты все же были основаны на

диспозитивности, идеологическое видение диспозитивности своим последствием имело то, что в законе ярко проявлялась подмена интересов гражданского общества интересами государства.

Да, в нем нашел отражение старейший институт российского процессуального законодательства – институт частного обвинения, в основе которого лежит волеизъявление частного лица привлечь к уголовной ответственности своего обидчика [16, с. 155], от реализации которого он мог и отказаться. В соответствии со ст. 10 УПК 1922 г., дела о преступлениях, предусмотренных ст. 103, ч. 1 ст. 157, ст. 172, 173, 174, 175 Уголовного кодекса, возбуждались не иначе как по жалобе потерпевшего и подлежали прекращению в случае примирения (которое допускалось только до вступления приговора в силу) его с обвиняемым. Государство могло в дальнейшем вмешаться в частные дела, но только в случае, если прокуратурой было бы признано необходимым вступление в дело в целях охраны публичного интереса. Однако на тот момент участники уголовного судопроизводства не были в должной мере (в современном понимании) свободны в совершении (или несовершении) действий, направленных на использование права. Анализ положений УПК 1922 г. позволяет нам говорить о том, что законодатель предоставлял лицу, попавшему в сферу уголовного судопроизводства, возможность в ряде случаев отказаться от предоставленных ему субъективных прав (некоторые проявления отказа от субъективного права законодатель формулировал в виде отдельных прав участников процесса). В то же время перечень таких случаев был неширок и в должной мере не обеспечивал надлежащую защиту прав и законных интересов участника процесса.

От волеизъявления обвиняемого, в частности, зависело его ознакомление с

¹ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с "Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р."): постановление ВЦИК от 25.05.1922. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/> (дата обращения: 20.06.2021).

производством по делу по окончании предварительного следствия: учитывая, что данное право могло быть реализовано при наличии соответствующего ходатайства, незаявление участником процесса ходатайства, необходимого для реализации права, следует признать равноценным отказу от него (ст. 211). В качестве примера можно указать и возможность отказа участников уголовного судопроизводства обжаловать действия следователя, нарушающие или стесняющие их права (с. 216). Буквальное толкование закона позволяет говорить и о том, что подсудимый и его защитник с момента его назначения или допущения могли отказаться от права знакомиться с материалами дела и выписывать из него нужные сведения (ст. 256). Кроме того, при прямо выраженном согласии подсудимого допускалось слушание дела в его отсутствии по делам о преступлениях, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 6 месяцев, а также по делам, которые рассматривались народным судом с участием 6-ти народных заседателей (ст. 269).

Несмотря на то, что в нормах УПК 1922 г. не содержалось прямого указания на право участников процесса давать показания на родном языке, оно предполагалось. Так, например, в ст. 22 закреплялось положение о том, что производство по уголовным делам ведется на русском языке или на языке большинства населения конкретной местности, а в случае если участники процесса не владеют языком, на котором ведется судопроизводство, суд обязан был приглашать переводчиков. Кроме того, любые бумаги и заявления участниками процесса могли быть поданы участниками процесса на их родном языке, если было удостоверено, что эти лица не владеют языком, на котором ведется судопроизводство. Следовательно, участник уголовного судопроиз-

водства мог как воспользоваться данным правом, так и отказаться от него.

При этом в УПК 1922 г. не содержалось ни положения, согласно которому свидетель был вправе отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга, иных близких родственников, ни положения о его праве давать такие показания, отказавшись от предоставленной законом привилегии. Таким образом, вне пределов законодательного регулирования оставался свидетельский иммунитет, защищающий основополагающие нравственные ценности личности и выступающий дополнительной гарантией интересов некоторых участников процесса, вытекающей из сложившейся системы ценностей, сохранявшейся в обществе на протяжении многих столетий, в том числе уважение семейных отношений [17, с. 89]. В ст. 64 УПК лишь указывалось на то, что любое лицо, вызванное для дачи показаний в качестве свидетеля, было обязано сообщить все известное ему по делу и ответить на предлагаемые ему правоприменителем или сторонами вопросы. Статья 65 УПК 1922 г. налагала запрет на вызов и допрос в качестве свидетелей только защитника обвиняемого по делу и лица, которое в силу своих физических или психических недостатков неспособно правильно воспринимать имеющие значение для дела явления и давать о них правильные показания.

В соответствии со ст. 254 УПК 1922 г., обвиняемый мог иметь защитника лишь после предания его суду. Последний либо назначался народным судьей (если участие было обязательно), либо избирался подсудимым по соглашению. При этом в законе не находило отражение прямое закрепление права подсудимого отказа от защитника.

Однако УПК 1922 г. была уготована недолгая жизнь. Уже 31 октября 1922 г. IV сессия Всероссийского Центрального

Исполнительного Комитета (далее – ВЦИК), заслушав доклад Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ) по проекту о судоустройстве, предлагаемые Комиссией поправки к проекту, постановила поручить Президиуму ВЦИК и НКЮ переработать Уголовно-процессуальный кодекс¹. И уже 15 февраля 1923 г. ВЦИК принял Постановление об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее – УПК 1923 г.)². По сути, УПК 1923 г. представлял новую редакцию УПК 1922 г., вследствие чего рассмотренные выше положения не претерпели существенных изменений.

Так, 27 октября 1960 г. был принят новый УПК РСФСР (далее – УПК 1960 г.)³. В нем также нашел отражение перечень дел так называемого частного обвинения, т. е. дел, возбуждение и прекращение которых во многом определялось волеизъявлением потерпевшего, которому предоставлялось право решать, необходимы ли ему в связи с причинением морального, физического или имущественного вреда уголовно-правовые меры защиты своих интересов (ст. 27). Существенным отличием было то, что примирение уже допускалось только до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

¹ О введении в действие Положения о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 11.11.1922: [ред. от 19.11.1926]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/> (дата обращения: 20.06.2021).

² Об утверждении Уголовно-процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 15.02.1923: [ред. от 31.01.1958: вместе с "Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р."]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/> (дата обращения: 20.06.2021).

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: [утв. ВС РСФСР 27.10.1960: с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/> (дата обращения: 20.06.2021).

В УПК 1960 г. также сохранилась преемственность и в разрешении вопроса об инициировании уголовного преследования частно-публичного обвинения (ст. 11 УПК 1922 г., ст. 11 УПК 1923 г., ч. 2 ст. 27 УПК 1960 г.), права, от реализации которого потерпевший мог отказаться. Сохранялась преемственность и в механизме ознакомления с материалами дела: в соответствии с ч. 2 ст. 200, следователь знакомил потерпевшего или его представителя с материалами дела только в случае их устного или письменного ходатайства об этом право потерпевшего знакомиться с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования. Учитывая, что данное право могло быть реализовано при наличии соответствующего ходатайства, неявление такового также могло расцениваться как отказ от него.

Однако в УПК 1960 г. было уже более конкретизировано право участника давать показания на родном языке: так, в ч. 2 ст. 17 указывалось на то, что участвующим в деле лицам обеспечивается право давать показания на родном языке. В то же время, как показывает анализ УПК 1960 г., применительно к нормам, закрепляющим процессуальный статус участников, данное право не получило самостоятельного закрепления. Мы уже указывали на то, что в УПК 1922 г. и УПК 1923 г. не находило отражение прямое закрепление право подсудимого отказаться от защитника. Оно стало отличительной особенностью УПК 1960 г.: в соответствии с ч. 1 ст. 50, обвиняемый в любой момент был вправе по собственному волеизъявлению отказаться от защитника, если на это не было правовых препятствий (т. е. участие защитника при производстве по уголовному делу не было обязательным).

В то же время, к большому сожалению, положения, содержащиеся в пере-

работанном УПК РСФСР 1923 г. (ст. 60, 61), впитал в себя и УПК 1960 г.: в соответствии с ч. 1 ст. 73, свидетель был обязан явиться по вызову правоприменителя и дать правдивые показания, сообщив все известное ему по делу и ответив на поставленные вопросы. При этом, в соответствии с положениями ст. 72 УПК, не исключалась возможность допроса законных представителей потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого в качестве свидетелей. Да, «привилегия молчания» долгое время в советском законодательстве обходилась стороной, т. к. это противоречило идеологии, уголовной политике, чью сущность составляла ее односторонняя направленность на обслуживание и выражение интересов государства, как правило, в ущерб интересам личности, интересы публичности были главным направлением защиты [18, с. 25].

Во главе угла стоял доктринальный тезис о преимущественном значении интересов следствия и правосудия при наличии их коллизии с личными интересами. В 40-х годах прошлого века Н. Н. Полянский писал: «Законы, освобождающие от свидетельских показаний супругов и близких родственников, исходят из представления об абсолютной святости брачных и семейных уз. Советское право, придавая большое значение семейным и брачным узам, не считает, однако, возможным приносить интересы правосудия в жертву супружеским и родственным чувствам» [19, с. 93]. Высказанная рядом исследователей в 70-х годах XX века идея о введении в уголовное судопроизводство правил свидетельского иммунитета близких родственников была воспринята как неконструктивная: юридическая общественность в своем большинстве стояла на позиции, что ее законодательное воплощение затруднит установление истины по делу.

Несмотря на длительное отрицание роли диспозитивных начал уголовного судопроизводства, спустя много десятилетий после Октябрьской революции, приоритеты защиты интересов государства все же постепенно стали уступать место приоритетам защиты прав и свобод личности, и последние стали выходить на первый план. Сохраняя обязанность правоприменителя обеспечивать соблюдение прав и законных интересов лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства, законодатель в значительно большей степени начал полагаться на мнение самих участников процесса в вопросах защиты ими своих прав и интересов [20, с. 3]. В качестве инструмента разрешения конфликта между государством и личностью в уголовно-процессуальной сфере законодатель стал использовать расширение диспозитивных начал при производстве по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел.

Принятый в 2001 г. УПК РФ подтвердил приверженность России институту правового государства. В отличие от советского периода, когда представители органов государственной власти при производстве по уголовным делам должны были действовать, прежде всего, в целях охраны и защиты публичных интересов, независимо от волеизъявления частных лиц, современный законодатель существенно минимизировал процессуально-принудительные меры, увеличил объем запретов на ограничение прав и свобод личности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. На пути создания реальных условий для того, чтобы каждый участник уголовного процесса, отстаивающий (защищающий, представляющий) свои интересы в деле, имел возможность непосредственного влияния на деятельность правоприменителя, сделано им уже немало. К несомненным достоинствам УПК РФ следует

отнести и такие наполненные диспозитивным началом его положения, как:

– в нормах УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 гг. не содержалось прямого указания на право участников процесса давать показания на родном языке (оно лишь предполагалось). Данный пробел был устранен современным российским законодателем и в УПК РФ он прямо указывает: «...вправе... давать показания на родном языке или языке, которым он (*участник процесса*. – *Прим. авт.*) владеет» (п. 6 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, п. 6 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). В контексте отказа от субъективного права обладание таковым есть законодательное разрешение на право отказа от него;

– проявление отказа от субъективного права современный законодатель формулирует и в виде права свидетеля, обладающего свидетельским иммунитетом, давать показания (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Действительно, по своей сути оно тоже равноценно праву отказаться от права не свидетельствовать против себя и своих родственников. Российская Федерация, взяв курс на реформирование социальной, экономической, политической и правовой систем общества, законодательно закрепила институт свидетельского иммунитета в Конституции 1993 г. В дальнейшем, как нам известно, конституционные положения нашли отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве России. Намечившаяся тенденция к ограничению репрессивных начал уголовно-процессуальной деятельности естественным образом легла в основу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Закрепление института свидетельского иммунитета представляло собой значимый шаг на пути укрепления демократических и нравственных начал уголовного судопроизводства и выступило важным средством

обеспечения процессуальных прав и гарантий законности и обоснованности вовлечения лиц в сферу уголовного судопроизводства, применения к ним правоограничительных мер;

– свидетель сам вправе решать вопрос о том, являться ли ему на допрос с адвокатом или нет (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ);

– в соответствии с ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, подозреваемый или обвиняемый вправе с момента начала уголовного преследования и до объявления об окончании предварительного следствия заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Воспользоваться ли данным правом, оказывая в дальнейшем содействие следствию, предоставляя следственным органам ценную для них информацию в обмен на получение возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке и смягчение наказания, или нет – зависит от воли данных участников процесса;

– возможность отказа от права на свидетельский иммунитет при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.1 УПК РФ, постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 N 17-П). Предыдущие УПК РСФСР не регламентировали вопросы заключения досудебного соглашения вообще;

– в соответствии с ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора и, следует отметить, что такое ходатайство подлежит обязательному удовлетворению лицом, в производстве которого находится уголовное дело (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ).

Современный российский законодатель предоставляет и право отказаться от защитника, при этом дополнительно оговаривая, что отказ от защитника заявляется в письменном виде, а в случаях, указанных в законе, об этом делается отметка в протоколе соответствующего следственного действия (ч. 1 ст. 52 УПК РФ). На возможность обвиняемого отказаться по собственной воле от права на защиту и недопустимость его навязывания впоследствии неоднократно указывал и Конституционный Суд Российской Федерации, подчеркивая значимость отказа от субъективного права в данном случае.

Выводы

Сравнительно-правовой анализ действующего и ранее действовавшего уголовно-процессуального законодательства в части, относящейся к теме исследования, позволяет нам говорить о том, что, несмотря на то, что отказ от субъективного права – это все-таки феномен современного уголовного процесса, предпосылки его появления имеют глубокие корни. Российский законодатель как представитель зрелого гражданского общества и демократического государства, в отличие от своего предшественника, выбирая состязательно-диспозитивную модель уголовного судопроизводства, в достаточной

мере обеспечивает сбалансированное соотношение публичных и частных интересов, надежную защиту прав его участников. Он в значительно большей степени стал полагаться на мнение самих участников процесса в вопросах защиты ими своих прав и интересов, предоставляя им наиболее широкие возможности по реализации или не реализации принадлежащих им прав, выбору способов их реализации, соответствующих личным интересам и возможностям. Несомненно, что современное установление сферы активности и самостоятельности лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, наряду с неукоснительным соблюдением закона самим государством, является одной из весомых гарантий уважения участника процесса, обеспечения его прав и свобод.

Современное состояние уголовно-процессуального законодательства в целом и феномена отказа от субъективного права как проявления диспозитивности позволяет надеяться, что уголовный процесс в России будет и в дальнейшем строиться с учетом конституционного положения о приоритете прав личности, в отличие от существовавшего ранее процесса, основной целью которого был исключительно контроль над преступностью.

Список литературы

1. Александров А. С. Диспозитивность в уголовном процессе. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. 209 с.
2. Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. 640 с.
3. Пономаренко С. С. Диспозитивные начала в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2002. 156 с.
4. Рогова О. И. Пределы правления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1994. 170 с.
5. Барабаш А. С. К вопросу о содержании диспозитивности в современном уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 37–40.

6. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1956. 439 с.
7. Катомина В. А. Диспозитивность в юридической доктрине // Вестник Саратовской юридической академии. 2020. № 4(135). С. 15–21.
8. Афанасьев А. Ю. Диспозитивность в системе принципов уголовного процесса // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 367–369.
9. Шамардин А. А. К вопросу о содержании принципа диспозитивности в уголовно-процессуальном праве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 60–64.
10. Евдотьева И. А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 22 с.
11. Рябцева Е. В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 219–222.
12. Штоль Д. С. Отдельные проявления диспозитивности уголовного процесса и особенности их закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). Право. Вып. 18. С. 104–107.
13. Рогова О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1994. 28 с.
14. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
15. Жирова (Маенкова) М. Ю. Развитие представлений о частном обвинении в истории российского уголовного процесса (советский период) // Аспирантский вестник Поволжья. 2010. № 1-2. С. 134–139.
16. Калужный А. Н., Чаплыгина В. Н. Сравнительный анализ моделей предварительного расследования по уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и по УПК РСФСР 1922 г. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1(50). С. 155–160.
17. Волосова Н. Ю. Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 426 с.
18. Малышева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. 514 с.
19. Полянский Н. Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. 142 с.
20. Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 22 с.

References

1. Aleksandrov A. S. Dispozitivnost' v ugovolnom processe [Dispositivity in criminal proceedings]. Nizhnii Novgorod, NYUI MVD RF, 1997. 209 p.
2. Kurs sovetskogo ugovolnogo processa: Obshchaya chast' [The course of the Soviet criminal process: The general part]; ed. by A. D. Bojkov, I. I. Karpec. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1989. 640 p.

3. Ponomarenko S. S. Dispozitivnye nachala v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve. Diss. kand. jurid. nauk [Dispositive principles in Russian criminal proceedings. Cand. legal sci. diss.]. Orenburg, 2002. 156 p.

4. Rogova O. I. Predely dispozitivnosti v ugolovnom sudoproizvodstve. Diss. kand. jurid. nauk [Limits of dispositivity in criminal proceedings. Cand. legal sci. diss.]. Tomsk, 1994. 170 p.

5. Barabash A. S. K voprosu o sodержanii dispozitivnosti v sovremennom ugolovnom processe [On the question of the content of dispositivity in the modern criminal process]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4, pp. 37–40.

6. Yudel'son K. S. Sovetskij grazhdanskij process [Soviet civil procedure]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1956. 439 p.

7. Katomina V. A. Dispozitivnost' v yuridicheskoy doktrine [Dispositivity in the legal doctrine]. *Vestnik Saratovskoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov Law Academy*, 2020, no. 4(135), pp. 15–21.

8. Afanas'ev A. Yu. Dispozitivnost' v sisteme principov ugolovnogo processa [Dispositivity in the system of principles of criminal procedure]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique*, 2020, no. 14, pp. 367–369.

9. Shamardin A. A. K voprosu o sodержanii principa dispozitivnosti v ugolovno-processual'nom prave [On the question of the content of the principle of dispositivity in criminal procedure law]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*, 2004, no. 3, pp. 60–64.

10. Evdot'eva I. A. Principy dispozitivnosti i sostyazatel'nosti sovetskogo grazhdanskogo processual'nogo prava. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Principles of dispositivity and competitiveness of the Soviet civil procedural law. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 1983. 22 p.

11. Ryabceva E. V. Sootnoshenie principa razumnosti, publichnosti i dispozitivnosti v ugolovnom processe [Correlation of the principle of reasonableness, publicity and dispositivity in criminal proceedings]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2011, no. 5 (37), pp. 219–222.

12. Shtol' D. S. Otdel'nye proyavleniya dispozitivnosti ugolovnogo processa i osobennosti ih zakrepleniya v ugolovno-processual'nom kodekse Rossijskoj Federacii [Separate manifestations of dispositivity of the criminal process and features of their consolidation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2009, no. 7 (145). Pravo, is. 18, pp. 104–107.

13. Rogova O. I. Predely proyavleniya dispozitivnosti v ugolovnom sudoproizvodstve. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Limits of the manifestation of dispositivity in criminal proceedings. Cand. legal sci. abstract diss.]. Tomsk, 1994. 28 p.

14. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa: osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo processa [The course of the Soviet criminal process: the main provisions of the science of the Soviet criminal process]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. 1. 470 p.

15. Zhirova (Maenkova) M. Yu. Razvitie predstavlenij o chastnom obvinenii v istorii rossijskogo ugolovnogo processa (sovetskij period) [The development of ideas about private prosecution in the history of the Russian criminal process (Soviet period)]. *Aspirantskij vestnik Povolzh'ya = Postgraduate Bulletin of the Volga region*, 2010, no. 1-2, pp. 134–139.

16. Kalyuzhnyj A. N., Chaplygina V. N. Sravnitel'nyj analiz modelej predvaritel'nogo rassledovaniya po ustavu ugolovnogo sudoproizvodstva Rossijskoj imperii 1864 g. i po UPK RSFSR 1922 g. [Comparative analysis of models of preliminary investigation according to the

Statute of criminal proceedings of the Russian Empire in 1864 and according to the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1922]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2015, no. 1(50), pp. 155–160.

17. Volosova N. Yu. Uголовно-processual'nyj institut svidetel'skogo immuniteta: teoriya, zakonodatel'noe regulirovanie i praktika. Diss. dokt. yurid. nauk [The Criminal Procedure Institute of Witness Immunity: theory, legislative regulation and practice. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 426 p.

18. Malysheva O. A. Sovremennaya uголовnaya politika Rossijskogo gosudarstva i ee realizaciya na dosudebnyh stadiyah uголовного sudoproizvodstva. Diss. dokt. yurid. nauk [Modern criminal policy of the Russian state and its implementation at the pretrial stages of criminal proceedings. Dr. legal sci. diss.]. Ryazan', 2006. 514 p.

19. Polyanskij N. N. Dokazatel'stva v inostrannom uголовnom processe [Evidence in a foreign criminal trial]. Moscow, Yurid. izd-vo MYU SSSR, 1946. 142 p.

20. Dikarev I. S. Dispozitivnost' v uголовnom processe Rossii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Dispositivity in the criminal process of Russia. Cand. legal sci. abstract diss.]. Volgograd, 2004. 22 p.

Информация об авторах / Information about the Author

Чеботарева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: cheb_irina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2130-3102

Irina N. Chebotareva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: cheb_irina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2130-3102

Пашутина Олеся Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1472-7959

Olesya S. Pashutina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1472-7959